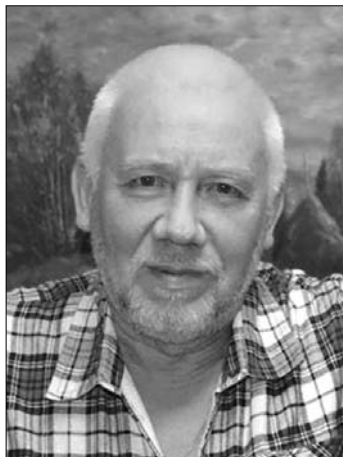

ВАЛЕРИЙ ФОКИН

ЖИТЬ ВМЕСТЕ СО СВОИМ НАРОДОМ

ЗАПОВЕДЬ

Закат сменяется восходом,
а солнце светит и во мгле.
Жить вместе со своим народом
одной судьбою на земле,
в трудах вершить свои дела
и знать:
добро сильнее зла.

БОЯН

И молитва,
и стих боевой,
как оружие в битве с врагами.
Вновь с хоругвями над головой
собрались мы под русское знамя.
С нами Бог,
и победа за нами.

ФОКИН Валерий Геннадьевич родился 1 января 1949 года в вятском селе Пищалье. Закончил семинар Ю. П. Кузнецова на ВЛК. Автор одиннадцати поэтических сборников, книги прозы “Всего-навсего” и документального издания “Вятская гармоника”. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Николая Заболоцкого. В 2014 году после речной аварии стал инвалидом, перенёс несколько операций. Живёт в г. Кирове (Вятке).

Но усвоила русская рать
из суровых отцовых заветов:
даже в битве негоже терять
самых лучших певцов и поэтов.
Нас прикроют в смертельном бою,
словно князя — щитом или телом,
чтоб мы веру и правду свою
подтвердили и словом, и делом.
Кровью братьев своих подтвердим,
как, спасая нас, воины пали,
чтобы мы передали другим
то, что сами в бою испытали.
Мы пример подадим молодым
не в речах — в задушевной беседе,
и для правнуков станет своим
наше слово о нашей победе.

“РУССКИЙ С КИТАЙЦЕМ БРАТЬЯ НАВЕК...”

Солнце Китая восходит над миром...
Мао Цзэдун

*Видят китайцы сиянье Кремля.
Мы не боимся военной грозы...*
Из песни “Москва — Пекин” (1949)

“Солнце правды восходит с Востока”...

Хоть звучит, как китайский пароль,
правда памяти слишком жестока
про Даманский и Жаланашколь.
Не тревожь меня, память немая,
дай забыть, как с границы в тоске
друг в коляске вернулся, сжимая
орден Красной Звезды в кулаке.
Он то плакал,

то пил,

то ругался

среди других госпитальных калек:

“Штык-ножом припорол я китайца,
позабыв, что мы “братья навек”.

Мы ведь так нашу дружбу ценили:

кто бы мне бы сумел объяснить,

почему они это забыли

и заставили нас позабыть.

Разве дружба — ненужная малость? —

за неё, если надо, умри!

Наша братская кровь запекалась,

не смешавшись,

на льду Уссури.

Полегло погранцов нас немало,

чтобы остров на время спасти.

До Байкала,

а там — до Урала

тихой сапой надёжней дойти...”

И дойдут,

улыбаясь по-братски,

как друзья,

не таясь по ночам:

мы ведь любим красивые сказки,

мы ведь верим красивым речам.

Друг, подвыпив, твердил виновато:
“Я жалею убитого брата.
Ни к чему были наши бои,
если сдали всё позже свои...”
И в бреду,

умирая до срока,
всё твердил друг израненный мой:
“Солнце правды восходит с Востока,
но зайдёт за кремлёвской стеной...”

“ЯБЛОЧКО”

Даже самые умные книжки
не озвучат живые слова:
“Хорошо заштормило, братишки!” —
и чуть позже: “Полундра, братва!!!”
За сто лет не закончились споры:
те — не эти,

а эти — не те.
Корабельный прожектор с “Авроры”
не нащупает цель в темноте.
Ту народную страшную ярость
расплескать мы не можем до дна,
и вопрос:

“А за что мы сражались?!” —
как пароль нам на все времена.
Не шарахнет “Аврора” по цели:
Туробъект —

только рябь по реке...
Просадили мы всё,
просвистели,
как матрос-анархист в кабаке.
Неохота за маузер браться,
лучше “Яблочко” — смерть каблукам!
А Свобода

без Равенства-Братства
проституткой пошла по рукам.
Сняли даму за баксы мажоры,
чтоб, натешившись,

скинуть с утра,
как похмельное селфи с “Авроры”:
“Хорошо погуляли вчера!”

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
радуйся жизни, новый буржуй:
день твой последний пока не придёт —
верен присяге российский Балтфлот.

БЕЗДОННОСТЬ

Как будто ждёшь сигнала для атаки,
чтоб не оставить Родину в беде...
Здесь предки наши

крестоносцев всяких
топить умели в ледяной воде.
Задумайтесь: а что бы было с нами
без этой глубины и высоты?
Упало небо чёрными крестами

на наши православные кресты.
И, солнце заслонив неумолимо,
армады в небе нагоняли страх.
Выпускники Осоавиахима
навстречу поднялись на “ястребках”.
Они врагов загнали в поднебесье
и сбросили с заоблачных высот.
А с фюзеляжей все кресты,
как плесень,
сдирал наждачной шкуркой русский лёд.
Врагам России вместо эпитафий —
лишь ледяная чёрная вода:
псы-рыцари
и асы из люфтваффе
в ней растворились напрочь без следа.
И прежде, чем тревогу вновь сыграют,
пускай усвоят новые враги:
в России ледяной воды хватает,
чтобы посмертно остудить мозги.
А что до наших соколов-пилотов,
до тех, что приземлиться не смогли,
то души их, уже без самолётов,
остались там — в заоблачной дали.
Они в раю так шурились лучисто,
ведь Божий Свет — не свет походных ламп,
и по сто грамм за сбитого фашиста
им отмерял небесный интендант.
И пусть в их кружках не вода живая,
и в небесах — гроза, а не салют,
они,
нас от беды оберегая,
пояныне в нашей памяти живут.
Они свой край благословляют снова,
тот отчий край,
в котором мы живём,
где вся бездонность озера земного
и неба, отразившегося в нём.

ТАК БЛОК ПИСАЛ

Страдание дано на испытанье.
Всегда, когда нелёгкая пора,
то кое-кто твердит, как заклинанье:
“Давно отсюда сваливать пора!”
Но напрягая гаснущие силы
над огненной бездной — на краю:
“Я никогда не бросил бы Россию...” —
так Блок писал,
предвидя смерть свою.
Пусть говорят: “Его не отпустили!
Его могли б на Западе спасти...”
А он себя не мыслил вне России
и не искал к спасению пути.
Во времена глобального трансферта
ещё не поздно,
позабыв покой,
что значит искупительная жертва,
суметь понять над блоковской строкой.

В КУЛАКЕ

До конца размотался клубок.
Жизнь почти уже вся пролетела.
И за то, что его не берёг,
начинает мне мстить моё тело.
Не поднять ни ружья,
ни весла.
Дальний берег, как будто в тумане...
Просто сила куда-то ушла,
словно спирт испарился в стакане.
Добираю остатние дни
у костра вместе с другом на Вятке.
— Вася, хоть самогону плесни,
как ты сам говоришь, по лампадке.
Пусть не спирт, но красиво горит,
словно душу мне сжечь норовит
за грехи,
за былое враньё,
за уставшее тело моё.
А душа не желает гореть,
не желает меня погубить,
а желает меня пожалеть,
потому что не петь мне,
не пить
и уже вместе с ней не грешить...
Не поднять ни весло,
ни ружьё —
бесполезно сжимать кулаки.
Мстит за прошлое тело моё.
Тянет холодом смертным с реки.
Сам тяну я ладони сквозь тьму:
а куда,
и зачем,
и к чему?..
Будто щупаю,
что там и как?..
И сжимаются пальцы в кулак
лишь затем, чтоб сберечь в кулаке
этот день
у костра
на реке.
Ведь не будет таких больше дней.
Будет только больней и больней —
на полслове прервётся строка...
Вася-друг, помяни и попей:
я покинул реку и друзей,
но ушёл,
не разжав кулака.

.....
*Дорогой наш друг! От души поздравляем с юбилеем.
Годы идут, а душа твоя не стареет, и сила поэтическая прибавляется.
Ждём новых стихотворений. Крепко жмём твою руку!*

Редакция журнала